

A woman with dark hair, wearing a deep red, low-cut, long-sleeved dress, is seated and looking down with a somber expression. She is being embraced from behind by a man in a dark shirt and from the side by a man in a white shirt. They are in a dimly lit room with a fireplace in the background and a lamp on a side table.

Кара Мин

СВЁКОР
и его брат
ДЛЯ ПЫШКИ
Я узнаю правду...

Кара Мин Свёкор и его брат для пышки. Я узнаю правду...

<https://litres.ru/74435028>

Аннотация

Я приехала в этот лесной дом, чтобы найти мужа. Свёкор и его брат — моя последняя надежда. Но вместо ответов они дают мне лишь тяжёлые взгляды и грубость. Я чувствую, что они знают правду. И я боюсь, что, когда узнаю её, уже не смогу уйти...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Глава 1

Дорога кончилась так же внезапно, как и началась. Автобус, который вёз меня последние четыре часа, остановился посреди леса — грязь, деревья и ржавая табличка с нечитаемыми буквами. Я вышла, держа в одной руке чемодан, в другой — сумку с документами. Водитель даже не посмотрел на меня, просто захлопнул двери и уехал, оставив меня одну на пустынной обочине.

Я стояла и смотрела на тропинку, уходящую в чащу. Тётя Вера говорила, что дом в пяти минутах ходьбы, что меня там ждут. Она сказала, что Алексей и Михаил — отец и дядя моего мужа — знают, где Сергей. Что они помогут.

Сергей пропал два года назад. Уехал в город на заработки и исчез. Я искала его, писала заявления, обзванивала больницы. Ничего. А потом тётя сказала: "Поезжай к ним. В лес. Они знают. Они всегда всё знают".

Я сжала ручку чемодана так, что побелели костяшки. Чемодан был тяжёлым, колёса застревали в грязи. Я тащила его, сгибаясь под тяжестью. Мои бёдра всегда были широкими, руки — мягкими, живот — округлым. Тётя говорила, что я "в теле", но я знала, как это звучит. Меня всегда на-

зывали пышкой, толстушкой, доброй девушкой с большим сердцем. Сейчас моё сердце колотилось где-то в горле.

Лес расступился, и я увидела дом. Огромный, бревенчатый, с тёмными окнами, которые смотрели на меня, как пустые глазницы. Крыша серая, труба почти развалилась, но из неё шёл дым — тонкий, едва заметный. Здесь кто-то жил.

Я подошла к калитке. Она была открыта. Я переступила порог и услышала, как доски скрипят под ногами. Постучала в дверь. Никто не ответил. Я толкнула её, и она открылась сама.

Внутри пахло старым деревом, табаком и ещё чем-то резким, мужским. Я сделала шаг. Половицы скрипели, где-то капала вода, в углу стояла огромная печь, выложенная кафелем. В комнате было темно, только из окна пробивался серый свет.

Я слышала шаги. Тяжёлые. Медленные. Я обернулась.

Он стоял в дверях, прислонившись к косяку. Высокий, седой, с хмурым лицом и глазами цвета старой стали. Левая нога слегка волочилась — он хромал. Он смотрел на меня так, будто я была насекомым, случайно залетевшим в дом.

— Ты кто? — спросил он. Голос низкий, скрежещущий, как ржавый нож по стеклу.

— Аня, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Жена Сергея. Вашего сына.

Он молчал. Смотрел на меня. Я чувствовала, как его взгляд ощупывает моё лицо, плечи, грудь.

— Сергей пропал, — продолжала я. — Тётя Вера сказала, что вы знаете, где он. Что он мог вернуться сюда.

Он усмехнулся. Коротко, хрипло.

— Сергей не вернётся, — сказал он. — Ушёл. Исчез. Как вода в песок.

— Что вы имеете в виду? — спросила я, чувствуя, как внутри холодеет.

Он не ответил. Вместо этого медленно обошёл меня, разглядывая с головы до ног. Я отвела глаза, спрятала руки за спину. Я всегда так делала, когда кто-то смотрел на меня слишком долго.

— Хозяйка мне не нужна, — сказал он. — Повариха нуж-

на. Швея. Уборщица. Справишься?

Я кивнула.

— Справлюсь, — сказала я, хотя сама не была уверена.

— Посмотрим, — усмехнулся он. — У меня есть брат. Михаил. Ты его увидишь. Он тихий, но ты его не бойся. Он опаснее меня.

Я сглотнула. Алексей подошёл ближе, взял за плечо, развернул к свету. Смотрел на мою фигуру, на талию, на бёдра. Пальцы сжались так сильно, что я поморщилась.

— Сергей любил мягких, — сказал он. — Я — нет. Здесь лес, здесь работа. Твоя нежность здесь не нужна. Будешь меньше есть — похудеешь. Работы много. Толку от тебя пока не вижу. Пышная, мягкая, как тесто. В такую ещё и грязь липнет.

Я чувствовала, как кровь приливает к щекам. Хотелось провалиться сквозь землю. Но я сжала зубы и промолчала. Я приехала не для того, чтобы нравиться ему. Я приехала, чтобы найти Сергея.

Он оттолкнул меня, развернулся и пошёл вглубь дома,

прихрамывая.

— Вещи заноси, — бросил через плечо. — И не вздумай ставить их в комнату. Будешь жить в каморке за печкой.

Я осталась стоять в прихожей, сжимая ручку чемодана так, что побелели пальцы. Хотелось заплакать. Но я не заплакала. Я не дам им сломать меня. Я приехала за правдой.

Я потащила чемодан через порог, и в этот момент из соседней комнаты вышел второй мужчина. Я даже не услышала его шагов. Он просто появился из тени — высокий, широкоплечий, с чёрными волосами, падающими на глаза. Он был моложе Алексея, мощнее. Смотрел молча, и в этом молчании было что-то тягучее, тяжёлое.

— Михаил? — спросила я. — Я Аня. Жена Сергея.

Он не ответил. Подошёл, взял мой чемодан без спроса, поставил на пол и открыл. Я вскрикнула:

— Что вы делаете?

Он не слушал. Вытаскивал мои вещи одну за другой. Платье, которое я шила к свадьбе подруги, — бросил на пол. Тёплую вязаную кофту — швырнул на кучу. Добрался до

косметички, открыл, понюхал мой крем, криво усмехнулся и выкинул в мусорное ведро.

— Это тебе не понадобится, — сказал он. Голос тихий, но от него по спине пробежал холод. — Здесь нет зеркал.

Я смотрела на свои вещи, разбросанные по полу. Среди них была старая фотография — единственная, где мы с Сергеем были вместе. Он вытащил её, посмотрел. Я затаила дыхание. Он перевернул фотографию, увидел надпись на обороте — "Серёжа и Аня" — и положил обратно в чемодан.

— Что вы делаете? — повторила я, и голос дрогнул.

— Сортировка, — ответил он. — Тебе здесь ничего не нужно. Работай, ешь, спи. Всё.

Он поднял чемодан с оставшимися вещами и пошёл вглубь дома. Я побежала за ним, чувствуя, как слёзы жгут глаза.

Он привёл меня в маленькую комнатку. Каморка. Узкая, тёмная, пахло плесенью и старой древесиной. Кровать с толстым матрасом, тумбочка и вешалка. И всё.

— Твоё место, — сказал он, поставил чемодан на пол и

вышел.

Я осталась одна. Присела на край кровати, сжала руки в замок. Хотелось убежать. Хотелось позвонить тёте, сказать, что не могу здесь оставаться, что они жуткие, что я боюсь. Но я знала, что мне некуда возвращаться. Тётя сдала квартиру и уехала на юг, оставив меня на попечение этих двоих. Она говорила, что они её "хорошие знакомые". Хорошие. Я закрыла глаза и глубоко вздохнула.

Вечером я вышла на кухню, чтобы приготовить ужин. Мужчины сидели за столом. Алексей читал бумагу. Михаил неподвижно смотрел в окно. Никто не сказал мне ни слова. Я открыла шкафчики, нашла крупу, мясо, начала что-то готовить.

Они ели молча. Я стояла у плиты, жарила картошку и чувствовала, как их взгляды прожигают мою спину. Я не оборачивалась. Смотрела в сковороду, и руки дрожали.

Когда я поставила тарелки на стол, Алексей даже не обернулся. Взял ложку и начал есть, не глядя на меня. Михаил поднял голову и посмотрел мне в глаза. Долго. Я не выдержала, отвела взгляд.

Я отошла к раковине, сполоснула руки. Вода была ледя-

ной.

— Сядь, — вдруг сказал Алексей.

Я обернулась.

— Сядь, — повторил он. — И поешь. Не надо, чтобы ты сдохла от голода. От тебя ещё польза нужна.

Я села за стол напротив них. Не могла есть. Сидела и смотрела в тарелку. Михаил молчал. Алексей жевал с открытым ртом, чавкал. Я сидела и терпела.

После ужина Алексей встал и подошёл ко мне сзади. Я не слышала его шагов, он двигался бесшумно, несмотря на хромоту. Я вздрогнула, когда его руки легли на мои плечи. А потом он поправил на мне фартук, и его пальцы сжались на моей талии. Сильно, до боли, словно проверял, мягкая ли я на ощупь. Я замерла, перестала дышать.

— Хорошая, мягонькая, — сказал он. — Как Сергей любил. Только он теперь далеко. А ты — здесь. Посмотрим, сколько в тебе пользы.

Он убрал руки и пошёл к выходу. Михаил поднялся следом, не взглянув на меня. Дверь за ними закрылась, и я оста-

лась одна в тёмной кухне, прижимая руки к животу, на котором всё ещё горели отпечатки пальцев Алексея.

Я пошла в свою каморку. Легла на жёсткий матрас, накрылась тонким одеялом. За стеной слышала голоса. Алексей говорил тихо, но стены были тонкими:

— ...она ищет его. Говорит, что приехала за правдой.

— Она не уйдёт, — ответил Михаил.

— Знаю. Она — невестка. Она теперь наша.

Тишина. Потом шаги. Тяжёлые. Медленные. Они приближались к моей двери. Я затаила дыхание. Ручка дёрнулась. Дверь была открыта — замка в ней не было.

Дверь приоткрылась. Тёмный силуэт стоял на пороге. Я не видела лица, но чувствовала взгляд на своей спине. Я лежала, сжавшись в комок, изображая сон. Через минуту дверь закрылась. Шаги ушли.

Я выдохнула. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, пробьёт грудную клетку. Я лежала и смотрела в потолок, прижимая руки к груди, и чувствовала, как тело дрожит.

Они знают, где Сергей. Я чувствовала это. Они знают, но не говорят.

Я закрыла глаза. Я не знала, что будет завтра. Я не знала, что они сделают со мной. Но я знала одно: я не уеду. Я найду правду. Даже если она убьёт меня.

Я закусила губу и попыталась уснуть. Но сон не шёл. Я лежала, сжимая одеяло, и думала о том, что завтра будет новый день. И я снова увижу их. И снова почувствую на своей коже их взгляды, их руки, их голоса.

Я не знала, чего хочу больше: сбежать или остаться. Но я знала, что Сергей где-то здесь. В этом лесу. И я должна его найти.

Глава 2

Я не спала. Всю ночь лежала, прислушиваясь к каждому скрипу, каждому шороху. За стеной кто-то ходил. Шаги то приближались, то удалялись, и я не могла понять, чьи они. Тяжёлые, размеренные, как у зверя, который обходит свою территорию.

Под утро я провалилась в забытье. Снился лес — чёрный и мокрый. Я бежала по нему босиком, ветки хлестали по лицу. Сзади — топот. Кто-то гнался за мной. Я обернулась, но никого не увидела. Только тени. Две тени.

Проснувшись от того, что кто-то тронул меня за плечо. Я подскочила, вскрикнула.

— Тихо, — сказал Михаил.

Он стоял надо мной. В полумраке каморки я видела только его силуэт — высокий, широкий, неподвижный. Он не прикасался ко мне больше, просто стоял и смотрел.

— Пять часов, — сказал он. — Вставай. Работа ждёт.

Он вышел так же бесшумно, как и вошёл. Я села на кро-

вати, провела рукой по лицу. Пальцы дрожали. Я посмотрела на дверь — она была приоткрыта. Я точно помнила, что закрывала её на ночь. Но замка не было. Он мог войти в любую минуту. Мог стоять надо мной и смотреть, как я сплю.

Я встала, натянула старую кофту, заправила волосы в пучок и вышла на кухню.

Алексей уже сидел за столом. Он пил чай из огромной кружки и даже не взглянул на меня. Я подошла к плите, включила воду.

— Завтрак в семь, — сказал он, не оборачиваясь. — Не позже. Опоздаешь — будешь есть то, что останется.

Я кивнула. Не знала, видит ли он мой кивок. Взялась за кастрюлю и начала варить кашу. Руки всё ещё дрожали. Я смотрела на крупу, на воду, на пар, поднимающийся над плитой. Я не могла смотреть на них. На Алексея, который сидел за столом с газетой, и на Михаила, который стоял в углу и молча точил нож. Металл скрежетал о камень, и от этого звука у меня сводило челюсть.

Я поставила тарелки на стол. Кашу, хлеб, масло. Алексей взял ложку, попробовал.

— Пересолила, — сказал он. — Вкуса никакого.

Я открыла рот, чтобы извиниться, но он перебил:

— Научишься. Или уйдёшь.

Михаил сел за стол, молча, не глядя на меня. Он ел быстро и много, словно ему было всё равно, что у него на тарелке. Алексей жевал медленно, смакуя каждую ложку, и каждый раз, когда он подносил ложку ко рту, я сжимала пальцы под столом, чтобы не дрожать.

Я не села с ними. Я не знала, можно ли мне. Я стояла у плиты и ждала, когда они доедят, чтобы убрать посуду.

Алексей доел, отодвинул тарелку и поднялся. Он подошёл ко мне вплотную, так близко, что я чувствовала его дыхание — табачное, горячее.

— Уборка в доме, — сказал он. — Всё до блеска. Если увижу пыль на комодe — накажу.

Он вышел. Михаил встал следом, остановился в дверях и обернулся. Он посмотрел на меня через плечо. В его взгляде я прочла что-то. Предупреждение. Или обещание.

Я осталась одна. Взяла тряпку, ведро и начала мыть полы. Тёрла их так, что кожа на ладонях покраснела и начала саднить. Дом был огромным, грязным, везде лежала пыль, паутина висела в углах. Я отмывала стены, печь, окна. Спина болела, руки дрожали от напряжения, но я не останавливалась. Я хотела доказать им, что я могу. Что я нужна здесь. Что я не сломаюсь.

К полудню я дошла до гостиной. Здесь пахло старым деревом и дымом. В углу стоял массивный комод из тёмного дерева, на нём — несколько рамок с фотографиями. Я подошла, чтобы протереть пыль.

Фотографии были старыми, чёрно-белыми. Я задержалась взглядом на одной из них. Женщина. Худая, бледная, с жёстким взглядом. Она смотрела в объектив без улыбки, и в её глазах было что-то холодное. Красивая — той строгой, почти злой красотой, которая не оставляет места для тепла.

Рядом с ней стоял Алексей. Молодой, без седины, с прямой спиной. Он обнимал её за талию, но она не прижималась к нему. Она просто стояла, как статуя.

А рядом с ними стоял мальчик. Лет восьми. С чёрными волосами и серьёзными глазами. Я узнала его. Это был Сергей. Мой муж. Маленький, худой, с взъерошенными волоса-

ми и сжатыми губами. Он не улыбался. Он просто стоял и смотрел в камеру так же серьёзно, как смотрел на меня Михаил этим утром.

Я прижала пальцы к стеклу. Серёжа. Где ты? Что они сделали с тобой?

Я вздохнула и взяла тряпку, чтобы стереть пыль с рамки. Я задела угол тряпкой, и рамка поехала вперёд. Я попыталась её поймать, но было поздно. Она упала на пол, стекло разлетелось на мелкие осколки, фотография выскользнула из рамки и упала лицом вниз на деревянный пол.

Я замерла. Смотрела на осколки и не могла дышать.

В ту же секунду я услышала шаги. Дверь распахнулась. Алексей стоял на пороге, и его лицо было белее бумаги. Он перевёл взгляд с меня на осколки, с осколков на меня. Глаза сузились.

— Что ты сделала? — спросил он. Голос стал тихим, почти шёпотом, и этот шёпот был страшнее крика.

— Я не хотела, — сказала я. — Я просто...

— Замолчи, — перебил он.

Он двинулся на меня. Быстро, несмотря на хромоту. Я отшатнулась назад, упёрлась спиной в стену. Он навис надо мной, упёрся ладонями в стену по обе стороны от моей головы, и я оказалась запертой в тесной клетке из его рук.

— Это была моя жена, — сказал он. — Мать Сергея. Единственное, что у меня осталось. Единственная вещь, которую я не выкинул. И ты разбила её.

Я открыла рот, чтобы извиниться, объяснить, но он перебил меня снова:

— Если ты думаешь, что здесь кто-то будет нянчиться с твоей целлюлитной задницей — ты ошибаешься. Здесь работа. И повиновение. Ты поняла?

Я кивнула. Я не могла говорить. Я чувствовала его дыхание на своём лице, его запах — пот, табак, жар. Он стоял так близко, что я слышала, как бьётся его сердце. Или это моё сердце билось так громко? Я не знала.

Он стоял и смотрел на меня. Глаза шарили по моему лицу, по губам, по шее, по тому, что было видно над воротом кофты. Я зажмурилась. Я ждала удара. Я чувствовала, как его рука сжимается в кулак рядом с моим ухом.

— Хватит, брат.

Голос Михаила разорвал напряжение. Я открыла глаза. Михаил стоял в дверях, прислонившись к косяку. В руке он держал кружку с водой, пил медленно, глядя на нас поверх края.

— Она пока нужна живой, — сказал он. — Без неё кто будет тебе картошку чистить?

Алексей посмотрел на брата. Секунду, две. Потом резко выдохнул, разжал кулак и оттолкнулся от стены. Развернулся и вышел, громко хлопнув дверью. Я услышала, как он что-то крикнул во дворе, но слов не разобрала.

Я сползла по стене на пол. Ноги не держали меня. Я села, обхватила колени руками и уставилась в одну точку. Я не плакала. Слёзы застряли где-то глубоко в горле.

Михаил не ушёл. Он поставил кружку на стол, подошёл ко мне и сел на корточки напротив. Я чувствовала его дыхание на своей коже.

— Ты даже не заплакала, — сказал он. — Почему?

Я подняла на него глаза. Его лицо было в тени, я видела только отблеск света от окна на его чёрных волосах.

— Я... я не знаю, — прошептала я.

— Ты боишься его? — спросил он.

Я кивнула.

— А меня? — спросил он.

Я замешкалась. Я не знала, что ответить. Он был тихим, он не кричал, но в его молчании было что-то более тяжёлое, чем в криках Алексея.

— Я не знаю, — честно ответила я. — Я приехала сюда, чтобы найти Сергея. Вы знаете, где он?

Михаил усмехнулся. Коротко, почти беззвучно. Потом протянул руку и взял меня за подбородок. Его пальцы были грубыми, мозолистыми. Он заставил меня смотреть в его глаза.

— Сергей здесь, — сказал он. — В этом лесу. Но ты его не найдёшь. Не сейчас.

— Почему?

— Потому что ты должна сначала понять, где ты оказалась, — ответил он. — Ты не просто невестка, которая приехала искать мужа. Ты теперь часть этого дома. И тебе придётся принять это.

Он разжал пальцы, поднялся и пошёл к выходу. На пороге он остановился и обернулся через плечо.

— Ты разбила не просто фото. Это была его жена. Единственная женщина, которую он любил. И ты — её замена. Но он не простит тебе, если ты снова коснёшься её памяти. Будь осторожна.

Он вышел. Я осталась сидеть на полу, прижимая руки к груди. Сердце колотилось в ушах. Я смотрела на осколки разбитого стекла и видела в них своё отражение. Моё лицо было бледным, глаза широкими. Я не узнавала себя.

Я встала, собрала осколки, осторожно, чтобы не порезаться. Фотография была целой — женщина смотрела на меня с холодной улыбкой. Рядом с ней стоял маленький Сергей, серьёзный и настороженный. Я положила фотографию обратно в рамку, поставила на комод. Стекло разбито. Я оставила её без стекла, и она смотрела на меня голыми глазами.

Я пошла дальше убираться. Мыла полы в коридоре, вытирала пыль с подоконников, разбирала вещи в кладовке. Я работала, чтобы не думать, забыть его лицо, не чувствовать его пальцы на своём подбородке.

К вечеру я выдохлась. Руки тряслись от усталости, ноги гудели. Я сидела на кухне, когда вошёл Алексей. Он не смотрел на меня. Он просто сел за стол и положил перед собой тарелку.

— Еда, — сказал он.

Я встала, достала из печи кастрюлю, налила ему суп. Он ел молча. Я стояла у плиты и смотрела в стену. Я не могла видеть его лица.

Он доел, отодвинул тарелку и вдруг сказал:

— Ты сегодня хорошо поработала.

Я уставилась на него. Я не верила своим ушам. Он похвалил меня? Он сегодня угрожал мне, а теперь хвалит?

— Ты похожа на неё, — сказал он вдруг. — На мою жену. Такая же покорная. Она тоже не плакала. Никогда.

Я молчала. Я не знала, что ответить.

— Она умерла, когда Сергей был маленьким, — продолжал он. — Болезнь. Забрала её за неделю. Оставила меня с сыном. А потом Сергей ушёл. В город. К тебе.

Он замолчал. Я видела, как его пальцы сжались на столе.

— Сергей здесь, — сказала я тихо. — Я знаю. Вы знаете, где он.

Он поднял на меня глаза. Холодные, стальные.

— Сергей там, где должен быть, — сказал он. — Ты здесь не для того, чтобы искать его...

Он поднялся и вышел из кухни.

Я осталась одна. Я стояла у плиты и чувствовала, как внутри меня что-то меняется. Я не понимала, что это. Может быть, страх, который стал меньше. Может быть, отчаяние, которое превратилось во что-то другое. Или просто усталость, притупившая все чувства.

Я пошла в свою каморку. Легла на кровать и поняла, что

могу выдохнуть. Закрыла глаза и попыталась уснуть.

Но сон не шёл.

За стеной слышались голоса. Алексей и Михаил разговаривали о чём-то, слов было не разобрать. Только интонации — злые, напряжённые. Я прижалась ухом к стене.

— ...она не уйдёт, — сказал Алексей.

— Она не уйдёт, — повторил Михаил. — Она сильнее, чем кажется. Она ищет его.

— Она найдёт, — сказал Алексей. — Если мы не остановим её.

Тишина.

— Она не должна найти, — сказал Михаил. — Ты знаешь, что там.

— Я знаю, — ответил Алексей. — Поэтому она не уйдёт. Никогда.

Я отодвинулась от стены. Сердце колотилось так сильно, что я боялась, что они услышат его. Я лежала в темноте, при-

жимая одеяло к груди, и думала о том, что они сказали.

Они знают, где Сергей. И они не хотят, чтобы я нашла его.

Я закрыла глаза. Я слышала, как за стеной стихли голоса. Потом шаги. Тяжёлые, медленные. Они приближались к моей двери. Я затаила дыхание.

Дверь открылась. Тёмный силуэт стоял на пороге. Я не видела лица, но знала, что это Алексей. Я чувствовала его. Он стоял и смотрел на меня.

— Ты не спишь, — сказал он. Это не был вопрос.

Я молчала.

Он шагнул в комнату. Я сжалась, натянула одеяло до самого подбородка. Он подошёл к кровати, сел на край. Я чувствовала тепло его тела, его запах. Он положил руку на моё колено поверх одеяла.

— Ты ищешь Сергея, — сказал он. — Но ты найдёшь только то, что мы тебе покажем. Запомни это.

Он сжал моё колено. Сильно, почти больно. Потом убрал руку, поднялся и вышел. Дверь за ним закрылась.

Я лежала, не двигаясь. Сердце билось в висках. Я сжимала одеяло, впивалась пальцами в ткань.

Я боялась его. Но я не могла уйти. Я не могла прекратить искать Сергея.

Я закрыла глаза и прошептала:

— Серёжа, где ты?

Я не знала ответа. Я знала только, что не уеду. Я останусь здесь. Я узнаю правду. Даже если эта правда убьёт меня.

Глава 3

Я не спала. Всю ночь лежала, прислушиваясь к каждому скрипу. Дверь каморки была открыта — замка не было. Я слышала, как Алексей ходит по дом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.